

Маргерит ЮРСЕНАР

КАК БЫЛ СПАСЕН ВАНГ-ФО

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.

Маргерит Юрсенар (этот псевдоним является анаграммой ее настоящей фамилии де Крайенкур) родилась 8 июня 1903 года в Брюсселе, а умерла 17 декабря 1987 года в США, на острове Мон-Дезер, расположенном в штате Мэн, на востоке страны, где, в деревянном доме, названном ей "Маленькая забава", она провела последние сорок лет своей жизни.

Одна из наиболее известных французских писательниц, М. Юрсенар в 1980 году стала первой женщиной, вошедшей в когорту "бессмертных" - членов Французской академии.

Недавно самый известный ее роман "Мемуары Адриана" (вызванный при своем появлении восторженный отзыв Томаса Манна) появился в русском переводе.

Предлагаемая вниманию читателя новелла, вдохновленная древнекитайской легендой, открывает сборник М. Юрсенар "Восточные новеллы" (1938).

Старый художник Ванг-Фо и его ученик Линг брели по дорогам царства Хан.

Они медленно продвигались вперед, поскольку Ванг-Фо останавливался ночью созерцать звезды, а днем - посмотреть на стрекоз. Они были налегке, поскольку Ванг-Фо любил образы вещей, а не сами вещи, и ни один предмет на свете не казался ему достойным того, чтобы его сохранить, кроме кистей, баночек с лаком и тушью, свертков шелка и рисовой бумаги. Они были бедны, поскольку Ванг-Фо отдавал свои работы за миску пшенной каши и гнулался серебряных монет. Его ученик Линг, согнувшийся под

тяжестью забитого набросками мешка, уважительно горбил спину, будто подпирая небесный свод, поскольку в глазах Линга этот мешок был наполнен оснеженными горами, весенним половодьем и ликом летней луны.

Линг не был рожден, чтобы скитаться по дорогам рядом со стариком, пытавшимся овладеть рассветом и запечатлеть сумерки. Его отец занимался обменом золота, а мать была единственным ребенком торговца нефритом, который, прокляв ее за то, что она не была мальчиком, завещал ей все свое имущество. Линг вырос в доме, где богатство не допускало превратнос-

тей судьбы. От такого тщательно законопаченного существования он стал пугливым: боялся насекомых, грома и лин покойников. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, отец выбрал ему невесту, очень красивую, поскольку мысль о том, что он осчастливит сына, утешала его в том возрасте, когда ночь годится лишь для сна. Жена Линга была хрупкой, как тростинка, ребячливой как молоко, сладкой как слюна и горькой как слезы. После свадебных торжеств родители Линга имели скромность скончаться, и их сын остался в выкрашенном киноварью доме один, вместе с молодой женой, беспрестанно улыбавшейся, да еще сливой, каждую весну одевавшейся в розовые цветы. Линг любил эту женщину с чистым сердцем, как любят зеркало, которое не потускнеет, или талисман, который

всегда защитит. Следуя моде, он бывал в чайных домиках и проявлял умеренную благосклонность к акробатам и танцовщицам.

Однажды ночью, в кабаке, он сел за один стол с Ванг-Фо. Старик напился, чтобы быть в состоянии как можно лучше нарисовать пьяницу; голова его клонилась набок, будто он силился определить расстояние, отдалявшее его руку от чарки. Рисовая водка развязала язык этому молчаливому труженику, и в тот вечер Ванг говорил так, будто молчание было стеной, - а слова - красками, чтобы ее расцветить. Благодаря ему Линг познал красоту пьяных лиц, размытых паром горячего питья, бурое великолепие мяса, неравномерно облизуемого языками пламени, и изысканную розовость винных пятен, усеивающих скатерти, как увядшие лепестки. Порыв ветра распахнул окно, и ливень хлынул в помещение. Ванг-Фо наклонился к Лингу, чтобы восхитить его мертвенно-синеватым зигзагом молнии, и Линг, к изумлению своему, перестал бояться грозы.

Линг расплатился за старого художника, а поскольку у Ванг-Фо не было ни денег, ни покровителя, он смиренно предложил ему пристанище. Они вместе пустились в дорогу; Линг держал фонарь, свет которого отражался в лужах неожиданными огнями. В тот вечер Линг с удивлением узнал, что стены его дома были не красными, как он считал до того, а что у них был цвет загнивающего апельсина. Во дворе Ванг-Фо заметил тонкие очертания куста, на который до того никто не обращал внимания, и сравнил его с сушащей волосы девушкой. В коридоре он с восторгом следил за неуверенными движениями му-

равья вдоль стенных щелей, и ужас Линга перед этими насекомыми как испарился. Тогда, понимая, что Ванг-Фо явился, чтобы подарить ему душу и иное восприятие вещей, Линг в знак уважения уложил старика в той спальне, где умерли его отец и мать.

Долгие годы Ванг-Фо мечтал изобразить древнюю принцессу, играющую под ивой на лютне. Ни одна женщина не казалась ему достаточно нездешней, чтобы послужить моделью, но Линг мог сделать это, потому что он не был женщиной. Потом Ванг-Фо заговорил об изображении юного принца, стреляющего из лука у подножья высокого кедра. Никто из молодых людей того времени не был достаточно ирреален, чтобы послужить ему моделью, и тогда Линг поставил позировать под садовой сливой свою собственную жену. Затем Ванг-Фо изобразил ее в костюме феи среди закатных облаков, и юная женщина заплакала, поскольку это было предсказанием смерти. С тех пор как Линг стал предпочитать ей самой портреты, сделанные с нее Ванг-Фо, лицо ее поблекло, словно цветок на пригорке под горячим ветром и летними дождями. Однажды утром ее нашли висящей на ветви розовой сливы: концы шарфа, который ее задушил, развевались, переплетаясь с волосами; она казалась еще более тонкой, чем обычно, и непорочной, как воспетые поэтami минувших времен красавицы. Ванг-Фо нарисовал ее в последний раз, поскольку ему нравился тот зеленоватый оттенок, который приобретает лица мертвых. Его ученик Линг растирал краски, и эта обязанность требовала такого прилежания, что он позабыл пролить слезы.

Линг продал одного за другим своих рабов, вещи из нефрита и рыб из фонтана, чтобы обеспечить учителя баночками пурпуровой краски, привозимой из западных стран. Когда в доме ничего не осталось, они покинули его, и Линг закрыл за собой дверь своего прошлого. Ванг-Фо устал от города, где лица не таили больше для него никакого секрета уродства или красоты, и учитель с учеником пустились бродяжничать вместе по дорогам царства Хан.

Слава о них опережала их в деревнях, на подступах к крепостям и на порогах храмов, где встревоженные пилигримы находили себе приют на закате дня. Говорили, что Ванг-Фо обладал властью вдыхать жизнь в свои полотна вместе с последним прикосновением кисти, которое делалось на глазах у всех. Крестьяне умоляли его нарисовать сторожевого пса, а господа хотели от него изображений солдат. Священники почитали Ванг-Фо за мудреца, а народ страшился его, как колдуна. Ванга радовало это различие во мнениях, которое позволяло ему изучать на окружающих его лицах выражения благодарности, страха или почитания.

Линг выпрашивал пищу, охранял сон учителя и пользовался моментами его вдохновения, чтобы помассировать ему ноги. На расвете, когда старик еще спал, он уходил выискивать робкие пейзажи, скрытые зарослями тростника. Вечером, когда упавший духом учитель бросал свои кисти на землю, он подбирал их. Когда Ванг бывал грустен и заговаривал о своем преклонном возрасте, Линг улыбаясь указывал ему на крепкий ствол старого дуба; когда же Ванг бывал весел и отпускал шуточки,

Линг покорно притворялся, что слушает его.

Однажды, на закате солнца, они достигли окраин императорской столицы, и Линг отыскал для Ванг-Фо постоянный двор, где они могли переночевать. Старик вернулся в тряпье, а Линг прижался к нему, чтобы согреть, потому что весна едва наступила и глинобитный пол был еще ледяным. На рассвете тяжелые шаги отозвались и коридорах постоянного двора; был слышен испуганный шепот хозяйина и приказы, выкрикиваемые на варварском наречии. Линг затрепетал, вспомнив, что своровал накануне рисовую лепешку учителю на ужин. Не сомневаясь, что пришли его арестовать, он думал о том, кто же поможет завтра учителю перейти вброд очередную речку.

Вошли солдаты с фонарями.

Пламя, просвечивая раскрашенную бумагу, отбрасывало на их кожаные каски красные и голубые отблески. Тетива луков дрожала за их плечами, и наиболее свирепые из них вдруг зарычали без всякой причины. Тяжелые руки легли на затылок Ванг-Фо, который не смог не заметить, что цвет рукавов у них плохо сочетается с цветом накидок.

Поддерживаемый своим учеником, Ванг-Фо побрел за солдатами, спотыкаясь на неровных дорогах. Кучки прохожих насмехались над этими двумя преступниками, которых, без сомнения, ведут, чтобы обезглавить. На все вопросы Ванга солдаты отвечали дикой grimасой. Связанные руки причиняли ему боль, и Линг, в отчаянии, улыбаясь смотрел на учителя, что являлось у него наиболее нежным способом плакать.

Они подошли к порогу императорского дворца, фиолетовые стены которого высились посреди дня, как кусок закатного неба. Солдаты провели Ванг-Фо через бесчисленные квадратные и круглые залы, чья форма символизировала времена года, страны света, мужское и женское начало, долголетие и прерогативы власти. Двери сами раскрывались, издавая определенную ноту, и расположение их было таково, что, пересекая дворец с востока на запад, вы проходили всю гамму.

Все в сочетании стремилось дать представление о сверхчеловеческой власти и утонченности, и чувствовалось, что малейшие приказания, отдаваемые здесь, должны были быть окончательными и ужасающими, как мудрость предков. Наконец воздух разрешился; молчание стало таким глубоким, что даже подвергаемый пыткам не осме-

лился бы закричать. Евнух приподнял занавес; солдаты задрожали, как женщины, и маленькая группа вошла в зал, где восседал на троне Сын Небес.

В этом зале, окруженном мощными колоннами из голубого камня, не было стен. За мраморными стволами цвел сад, и хотя каждый цветок в его зарослях принадлежал к диковинному сорту, привозимому из-за океана, ни у одного не было запаха - из страха нарушить сладостными ароматами медитацию Небесного Дракона. Из почтения к безмолвию, в котором проплывали его мысли, никакой птице не было позволено проникнуть за ограду, и даже пчелы были выдворены отсюда. Громадная стена отделяла сад от остального мира, чтобы ветер, пролетающий над околевшими собаками и усеявшими поля сражений трупами, не мог себе позволить коснуться императорского рукава.

Небесный Повелитель восседал на нефритовом троне, и его руки были морщинисты, как у старца, хотя ему едва исполнилось двадцать лет. Его одеяние было голубым, что представляло зиму, и зеленым, чтобы напоминать о весне. Кто лицо было прекрасно, но невозмутимо, как подвешенное слишком высоко зеркало, отражающее лишь звезды и неумолимые небеса. По правую руку от него стоял министр Совершенных Наслаждений, а по левую - советник Заслуженных Мук. Поскольку придворные, расположенные вдоль подножий колонн, прислушивались, чтобы уловить малейшее слово, слетевшее с его уст, он припык говорит всегда тихо.

- Небесный Дракон, - сказал павший ниц Ванг-Фо, - я стар, я беден, я немощен. Ты как лето, я

как зима. У тебя Десять Тысяч Жизней, а у меня лишь одна, и та подходит к концу. Что я тебе сделал? Мне связали руки, которые никогда не причиняли тебе вреда.

- Ты спрашиваешь, что ты мне сделал, старый Ванг-Фо? - сказал император.

Его голос был так мелодичен, что от него хотелось плакать. Он поднял правую руку, которая от отблесков нефритовых плит была голубовато-зеленой, как водоросли, и Ванг-Фо, восхищенный длиной его тонких пальцев, старался припомнить, не сделал ли он с императора ИЛИ с его родственников посредственного портрета, который заслуживал бы смертной казни. Но это было мало вероятно, отдавая предпочтение крестьянским лачугам, а в городах - увеселительным кварталам на окраинах и кабакам вдоль набережных, где перебрачивались носильщики.

- Ты спрашиваешь, что ты мне сделал, старый Ванг-Фо? - переспросил император, вытягивая свою хрупкую шею к ожидавшему его слов старику. - Я скажу тебе. Но, поскольку чей-либо яд может проникнуть в нас лишь через девять отверстий, я должен, чтобы показать тебе твою вину, провести тебя по коридорам моей памяти и рассказать тебе всю мою жизнь. Мой отец поместил коллекцию твоих произведений в самой секретной комнате дворца, поскольку он считал, что изображенные на них лица не должны рассматриваться невеждами, в присутствии которых они не могут опустить глаза. 15 этих залах я и был воспитан, старый Ванг-Фо, так как меня окружили одиночеством, чтобы в нем меня вырастить. А чтобы уберечь мою непорочность от загрязнения чело-

веческими душами, от меня удалили бурлящий поток будущих моих подданных и никому не было позволено пройти мимо моего порога из страха, что тень от мужчины или женщины может меня коснуться. Несколько старых слуг, которых мне пожаловали, показывались как можно меньше; часы протекали в замкнутом круге, краски твоих работ оживали с рассветом и бледнели в сумерках. Ночью, когда я не мог заснуть, я смотрел на них, и почти десять лет подряд я смотрел на них каждую ночь. Днем, сидя на ковре, узоры которого я знал наизусть, положив пустые ладони на покрывающий колени желтый шелк, я мечтал о наслаждениях, уготованных мне в будущем. Я представлял себе мир, с царством Хан по центру, похожим на безликую и полую поверхность ладони,

изборожденную роковыми линиями Пяти Потоков. Со всех сторон порождающее чудовищ море, а еще дальше - поддерживающие небо горы. И чтобы легче было вообразить себе все эти вещи, я обращался к твоим образам. Ты заставил меня поверить, что море похоже на покрывающую твои полотна водную пелену - такую голубую, что упавший в нее камень должен превратиться в сапфир; что женщины раскрываются и закрываются, как цветы, подобно подгоняемым ветром по аллеям твоих садов созданием; и что молодые воины с тонкой талией, охраняющие пограничные крепости, сами являются стрелами, которые могут пронзить вам сердце. В шестнадцать лет я увидел, как распахнулись двери, отделявшие меня от мира: я поднялся на террасу дворца, чтобы посмотреть на облака, но они были менее красивы, чем облака твоих закатов. Я приказал подать носилки, и, сотрясаемый на дорогах с непредвиденными мною грязью и камнями, я изъездил провинции империи, не найдя твоих садов, полных женщинами, что похожи на светлячков, - твоими женщинами, самое тело которых подобно саду. Покрывающие берега острые камни отвратили меня от океана; кровь истязаемых не так красна, как гранат на твоих полотнах; в деревнях мошकारа мешала мне увидеть красоту рисовых полей; плоть живых женщин была мне отвратительна, как мертвое мясо, подвешенное на крюках улавочников, и меня тошнило от зычного хохота моих солдат. Ты солгал мне, Ванг-Фо, старый самозванец: мир - это лишь скопление беспорядочных пятен, брошенных в пустоту обезумевшим художником и непрестанно смываемых нашими сле-

зами. Царство Хан - не самая красивая из стран, а я не настоящий император. Единственная империя, над которой стоит царствовать, эта та, куда ты, старый Ванг, проникаешь по дороге Тысячи Изгибов и Десяти Тысяч Цветов. Только ты безмятежно царствуешь над горами, покрытыми снегом, что не может растаять, и над полями нарциссов, что не могут умереть. Именно поэтому, Ванг-Фо, я выискивал, какую казнь уготовить тебе - тебе, чье колдовство внушило мне отвращение к тому, чем я владею, и жажду того, чего у меня не будет. И чтобы запретить тебя в той единственной темнице, откуда ты не сможешь выйти, я решил, что тебе выжгут глаза, потому что твои глаза, Ванг-Фо, это две волшебные двери, через которые ты входишь в твоё царство. И поскольку твои руки - это две дороги с десятью ответвлениями, которые заводят тебя в сердце твоей империи, я решил, что тебе отсекут руки. Понял ли ты меня, старый Ванг-Фо?

Услышав этот приговор, ученик Линг выхватил из-за пояса зазубренный нож и бросился на императора. Два стражника схватили его. Сын Небес улыбнулся и добавил со вздохом:

- И еще я ненавижу тебя, старый Ванг-Фо, за то, что ты умел внушать к себе любовь. Убейте эту собаку.

Линг отпрыгнул вперед, чтобы его кровь не забрызгала платье учителя. Один из солдат поднял спую саблю и голова Линга отделилась от шеи, подобно срезанному цветку. Слуги вынесли тело, и Канг-Фо в отчаянии своем залюбовался прекрасным алым пятном, оставленным его учеником на зеленых плитах пола.

Император сделал знак, и два евнуха осушили глаза Ванг-Фо.

- Слушай, старый Ванг-Фо, - сказал император, - утри свои слезы, потому что это не подходящий момент, чтобы плакать. Твои глаза должны быть ясными, чтобы ты не малое, что в них осталось от света, не замутилось плачем. ведь не только из злопамятства желаю я твоей смерти и не только из жестокости хочу увидеть твои муки. У меня другие намерения, старый Ванг-Фо. Есть у меня в коллекции твоих работ один дивный пейзаж, на котором горы отражаются в речном устье и море, разумеется бесконечно уменьшенных, но зрительно более достоверных, чем в природе, подобно тому, что залюбовалось своим отражением на поверхности стеклянного шара. Но эта работа не завершена, Ванг-Фо, и твой шедевр пока всего лишь набросок. В тот момент, когда ты работал над ним, устроившись в безлюдной долине, ты, должно быть, засмотрелся на пролетающую птицу или бегущего за ней ребенка. И клюв этой птицы или щеки ребенка заставили тебя забыть о лазурных веках волн. Ты не закончил ни бахрому, обрамляющую ризу моря, ни космы водорослей на скалах. Ванг-Фо, я хочу, чтобы ты посвятил те часы дневно-го света, которые тебе остались, завершению этой работы, в которой сосредоточились бы последние тайны, накопленные тобой за долгую жизнь. Нет никакого сомнения, что твои, уже готовые опуститься руки не задрожат над куском шелка и бесконечность проникнет в твою работу штрихами горя. Как нет никакого сомнения и в том, что твои глаза, которые ты так скоро утратишь, прозреют некие связи на пределе человеческого

восприятия. Таков мой план, старый Ванг-Фо, и я могу заставить тебя его осуществить. Если ты откажешься, то, до того как тебя ослепят, я прикажу сжечь все твои работы и ты уподобишься отцу, у которого зарезали сыновей и тем убили надежду на продолжение его рода. Но, если хочешь, думай скорее о том, что этот мой приказ исходит лишь от доброты, потому что мне известно, что шелковое полотно - это единственная любовница, которую ты когда-либо ласкал. А предоставить тебе кисти, краски и тушь, чтобы занять твои последние мгновения, это все равно что из милости привести уличную девку челоуку, обреченному на казнь.

Император шевельнул мизинцем, и два внуха почтительно принесли незаконченное полотно, на котором Ванг-Фо лишь набросал

море и небо. Ванг-Фо вытер слезы и улыбнулся, потому что этот маленький набросок напомнил ему о юности. Все говорило в нем о душевной свежести, на которую Ванг-Фо не мог больше претендовать, но в то же время чего-то в нем не хватало, так как в ту пору, когда он его сделал, он еще недостаточно созерцал горы и скалы, купающие в волнах нагие свои откосы, и недостаточно еще проникся грустью заката. Ванг-Фо выбрал кисть из тех, что подал ему раб, и принялся размывать незавершенное море широкими голубыми мазками. Присевший у его ног внух растирал краски; он довольно плохо справлялся с этим делом, и больше чем когда-либо пожалел Ванг-Фо о своем ученике Линге.

Ванг начал с того, что подкрасил розовый кончик крыла у лежащего на горе облака. Затем он нанес на поверхность моря мелкие морщинки, которые лишь углубили производимое им впечатление ясной безмятежности. Высланный нефритом пол странным образом покрывался влагой, но Ванг-Фо, поглощенный своим полотном, не замечал, что работает сидя в воде.

Хрупкая лодка, выросшая под ударами кисти художника, занимала теперь весь передний план на шелковом полотне. Слаженный шум весел вдруг возник вдалеке, быстрый и оживленный, как биение крыла. Шум все приближался и постепенно наполнил собой весь зал, потом смолк, и капли задрожали на застывших в руках у лодочника веслах. Давно уже раскаленное докрасна железо, предназначенное для глаз Ванга, остыло на углях у палача. Придворные, погруженные в воду по плечи, согласно этикету не двигались и лишь

вставали на цыпочки. Наконец вода достигла уровня императорского сердца. Молчание стало таким глубоким, что слышно было, как падают слезы.

Это был действительно Линг. Он был в старой своей одежде и на правом рукаве у него была видна псе та же прореха, которую он не успел зашить утром, до того как пришли солдаты. Но вокруг шеи у него был повязан странный красный шарф.

Ванг-Фо мягко сказал ему, продолжая работать:

- Я думал, что ты умер.

- Как же мог я умереть, - почти-точно сказал Линг, - пока вы живы.

И он помог учителю взойти на барку. Нефритовый потолок отражался в воде, и казалось, что Линг правит внутри грота. Косички покрытых водой придворных извивались на поверхности, как змеи, и бледная голова императора, подобно лотосу, покачивалась на волнах.

- Смотри, мой ученик, - сказал опечаленно Ванг-Фо. - Эти несчастные погибнут, если это уже не случилось. Я не сомневался, что в море достаточно воды для того, чтобы утопить императора. Что же нам делать?

- Не беспокойся ни о чем, учитель, - прошептал ученик. - Скоро они окажутся на суше и даже не вспомнят о том, что их рукав был когда-либо мокрым. Один только император сохранит в сердце немного морской горечи. Эти люди не созданы для того, чтобы сгинуть внутри изображения.

И он добавил:

- Море прекрасно, ветер сопутствует нам, птицы морские выют себе гнезда. Отбудем же, мой учитель, в ту страну, что за всеми морями.

- Отбудем, - сказал старый художник.

Ванг-Фо взялся за руль, а Линг налег на весла. Слаженный шум снова наполнил собой весь зал; настойчивый и размеренный, как биение сердца, шум. Уровень воды незаметно начал понижаться во круг высоких отвесных скал, которые снова стали колоннами. Скоро лишь редкие лужи поблескивали кое-где в углублениях нефритового пола. Наряды придворных оказались сухими, но у императора несколько клочков пены задержалось в бахроме одеяния.

Шелковое полотно, заверщенное Ванг-Фо, осталось лежать на низком столе. Весь передний план занимала на нем барка. Она удалялась понемногу, оставляя за собой пенистый след, расплывавшийся на неподвижной поверхности моря. Уже не различить было лиц тех двоих, что в ней сидели. Но еще можно было заметить красный шарф Линга и развеваемую ветром бороду Ванг-Фо.

Биение весел стихало, потом совсем смолкло, поглощенное пространством. Император, нагнувшись вперед и приставив руку к глазам, следил за удаляющейся баркой Ванга, которая стала уже едва различимой точкой в бледной глубине заката. Золотистый пар поднялся и покрыл собой море. Наконец барка завернула за скалу, что отгораживала открытое пространство; тень утеса поглотила ее; пенистый след стерся в водной пустыне, а художник Ванг-Фо и ученик Линг исчезли навеки в этом море нефритовой голубизны, которую Ванг-Фо только что придумал.

**Перевод с французского
Александра РАДАШКЕВИЧА**